

С О Н А С К О Ф И Л Д

УСЛОВИЕ РАЗВОДА
ВСТУПАЕТ В СИЛУ
В ПОЛНОЧЬ

Сона Скофилд

**Условие развода вступает
в силу в полночь**

«Автор»

2026

Скофилд С.

Условие развода вступает в силу в полночь / С. Скофилд —
«Автор», 2026

За восемь минут до полуночи банк присылает мне отказ от двадцати процентов семейной компании. Проблема в том, что я его не подписывала. После развода эти акции должны были стать честной платой за двенадцать лет, которые я отдала общему бизнесу. Шестнадцать миллионов уже лежат на счете, а на завершение сделки у меня всего трое суток. Но бывший муж просит не выносить семейный конфликт наружу, инвестиционный фонд пытается заблокировать выкуп, а отказ заверен моей действующей электронной подписью. Чтобы установить, кто распорядился моим именем, мне придется работать с Андреем Левиным — независимым экспертом, с которым нас связывает давний профессиональный конфликт. Он не обещает спасти меня и не верит словам без доказательств. Именно поэтому я начинаю верить ему. У меня семьдесят два часа, чтобы вернуть свою долю и доказать: моим согласием больше никто не распоряжается. А еще — понять, можно ли довериться мужчине, который первым потребовал от меня всей правды.

Содержание

Глава 1. Восемь минут до полуночи	5
Глава 2. Подпись считается действительной	10
Глава 3. Моя подпись	15
Глава 4. Запрет на долю	19
Глава 5. Без права подписи	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сона Скофилд

Условие развода вступает в силу в полночь

Глава 1. Восемь минут до полуночи

До полуночи оставалось восемь минут, когда банк прислал мне отказ, которого я не подписывала.

Я ждала другого уведомления. На экране корпоративного телефона должна была появиться короткая строка: «Условие исполнено. Период акцепта открыт». Мы с Марией согласовали формулировку с банком еще на прошлой неделе, чтобы в эту ночь не тратить время на догадки.

Вместо нее я прочитала:

«Получено заявление об отказе от акцепта безотзывной оферты».

Ниже стояло время — 23:51:14.

Я посмотрела на часы в правом углу ноутбука. 23:52.

Телефон лежал передо мной на кухонном столе. Я не выпускала его из квартиры с семи вечера, а последние полчаса держала рядом. Никто не мог взять его, открыть приложение и вернуть так, чтобы я не заметила. Квартира была заперта. Кроме меня, в ней никого не было.

Я не стала нажимать кнопку «Ознакомиться» в уведомлении. Сначала открыла банковское приложение через значок на главном экране. Ввела код. Проверила название счета, последние операции и сумму.

16 000 000 рублей.

Статус: «Средства зарезервированы».

Деньги находились на условном счете десять дней. Я перевела их заранее, хотя Игорь через своего адвоката дважды уверял, что спешить незачем. В делах, где от одного пропущенного срока зависит несколько лет работы, слово «заранее» обозначает единственный приемлемый срок.

В разделе документов уже стояла новая запись. Отправитель — Алиса Сергеевна Соколова. Вид документа — отказ. Канал — усиленная квалифицированная электронная подпись. Проверка сертификата — пройдена.

Я прочитала запись еще раз. Потом открыла карточку, не скачивая вложение.

Мое полное имя. Номер опционного соглашения. Двадцать процентов акций АО «Северный маршрут». Ссылка на пункт, который позволял отказаться от права до акцепта.

Тот, кто подготовил документ, видел договор.

В 2020 году двадцать процентов стоили шестнадцать миллионов. Тогда у нас было тридцать две машины, два арендованных склада и один клиент, задержка платежа которого могла оставить компанию без топлива. Теперь «Северный маршрут» работал с продуктовыми сетями и фармацевтическими дистрибьюторами, а тот же пакет оценивали больше чем в семьдесят миллионов.

Цена в опционе не менялась. Это было условием, на котором я согласилась еще шесть лет работать без доли, отвечая за перевозки так, словно компания принадлежала и мне.

Игорь называл документ страховкой от семейных споров. Я называла его единственным договором, где мой вклад выражался числом.

Срок открывался в полночь после дня, когда решение о разводе вступало в законную силу. Семьдесят два часа на акцепт. В десять двадцать утра меня ждал нотариус. Копии соглашения лежали в папке у входной двери, паспорт — в сумке, машина — на парковке в соседнем

дворе. Я предусмотрела пробки, сбой приложения, болезнь нотариуса и отказ первого банка провести платеж.

Я не предусмотрела документ, подписанный от моего имени за девять минут до начала срока.

На личном телефоне было 23:54. Я набрала Марию. Она ответила после первого гудка.

— Что пришло?

Мы договорились созвониться в полночь, поэтому она не спросила, почему я звоню поздно.

— Отказ от акцепта. Время отправки — двадцать три пятьдесят одна. Банк пишет, что подпись действительна.

— Ты открывала вложение?

— Карточку документа в приложении. Сам файл не скачивала.

— С какого телефона звонишь?

— С личного. Корпоративный на столе.

— Не трогай в нем ничего. Не отвечай банку, не пересылай уведомление и не делай скриншот на этом же устройстве. У тебя есть второй аппарат с камерой?

— Тот, с которого я звоню.

— Включи громкую связь. Сними общий план: телефон, экран, часы на ноутбуке. Потом карточку документа крупно. Ничего не закрывай.

Я поставила личный телефон на подставку, включила громкую связь и сделала пять фотографий. На первой в кадр вошли стол, корпоративный аппарат и экран ноутбука с временем. На второй читалось банковское уведомление. Еще на трех — номер документа, отметка о проверке подписи и время поступления.

— Готово.

— Теперь запиши видео от общего плана к экрану. Медленно. Не приближай изображение пальцами.

— Мария, у нас шесть минут.

— У нас семьдесят два часа с полуночи. За шесть минут мы не установим, кто подписал отказ. Зато можем испортить то, что потом понадобится для проверки. Снимай.

Она была права, и это раздражало ровно настолько, чтобы вернуть мне привычный порядок действий.

Я записала сорокасекундное видео.

— Теперь переведи корпоративный телефон в авиарежим, — сказала Мария. — Не выключай и не перезагружай. Назови время вслух на записи.

Я снова включила камеру личного телефона.

— Двенадцатое октября, двадцать три часа пятьдесят шесть минут. Перевожу устройство в авиарежим.

Провела пальцем по экрану и нажала значок самолета. Индикаторы мобильной сети и беспроводного подключения погасли. Банковская карточка осталась открыта.

— Сделано.

— Убери его подальше от ноутбука. Есть бумажный конверт?

— Есть пакет для документов.

— Пока положи рядом, не запечатывай. Нам надо связаться с Верой Крыловой. Я добавлю тебя в разговор с личного номера. Паспорт под рукой?

— В сумке.

Я перенесла корпоративный телефон на свободный край стола. Раньше, в первые месяцы после переезда, там стояла коробка с посудой. Потом я разобрала коробки, купила нормальные стулья и перестала называть эту квартиру временной, хотя договор аренды заканчивался в мае.

Сегодня я собиралась после полуночи налить себе вина. Бутылка стояла в холодильнике рядом с контейнером супа. Я даже выбрала бокал, потом решила, что до подтверждения банка пить глупо, и вернула его в шкаф.

Сейчас это решение избавляло меня от необходимости доказывать еще и собственную трезвость.

Личный телефон показал входящий вызов. Мария подключила меня к разговору.

— Алиса Сергеевна, добрый вечер, — сказала Вера Крылова.

Ее голос я знала по четырем встречам и десятку звонков. Руководитель банковского комплекса говорила с одинаковой интонацией о переводе шестнадцати миллионов и об исправлении номера страницы. Это не успокаивало, но не позволяло искать в ее тоне ответ, которого там не было.

— Добрый. Вы видите отказ?

— Вижу поступивший документ. Прежде чем продолжить, я должна подтвердить вашу личность по резервному порядку. Корпоративным номером вы сейчас не пользуетесь?

— Он переведен в авиарежим в двадцать три пятьдесят шесть. Я звоню с личного, указанного в анкете.

Вера задала два контрольных вопроса. На первый ответом был месяц открытия счета, на второй — сумма тестового платежа, который банк вернул мне при проверке реквизитов. Я ответила.

— Благодарю. Теперь скажите своими словами, чего вы хотите от банка.

Фраза звучала непривычно для экстренного разговора, но смысл был понятен: ей требовалось записать мою волю, не подсказанную формулировкой юриста.

— Я не создавала и не отправляла отказ. Я не давала никому разрешения подписывать его от моего имени. Прошу сохранить исходный документ, сведения о времени и канале поступления. До установления обстоятельств прошу не считать отказ выражением моей воли и не перечислять деньги со счета иначе, чем по моему личному акцепту.

— Принято. Разговор записывается. Банк сохранит исходный файл и технические сведения, находящиеся в нашем распоряжении. Оценку действительности подписи и полномочий отправителя я сейчас не даю.

— В карточке указано, что проверка пройдена.

— Это означает, что автоматическая проверка сертификата завершилась успешно. Причину и способ создания подписи такая отметка не устанавливает.

Я открыла на ноутбуке прямой адрес банка, введя его вручную. В личном кабинете была та же запись. Значит, уведомление не вело на чужой сайт и не изображало документ, которого банк не получал.

— Можете назвать точное время поступления? — спросила Мария.

— Двадцать три часа пятьдесят одна минута четырнадцать секунд по московскому времени. Документ принят через согласованный сторонами электронный канал.

— Канал можно заблокировать? — спросила я.

— Со стороны банка мы уже ввели усиленную проверку всех последующих распоряжений. Отключить сертификат может его владелец через удостоверяющий центр. Делать это с устройства, состояние которого вы намерены исследовать, без специалиста не советую. Мы свяжемся с центром по служебному порядку и зафиксируем уведомление о споре.

На экране ноутбука сменились минуты. 23:58.

— Через две минуты открывается срок акцепта, — сказала я. — Что произойдет с деньгами?

— До полуночи условие договора еще не наступило. После полуночи система сопоставит отказ, ваш счет и сведения о вступлении решения суда в силу. При наличии противоречия операция должна перейти на ручную проверку. Я останусь на линии.

«Должна» мне не понравилось.

— А если не перейдет?

— Я останавливаю платеж вручную в пределах полномочий банка. Средства не могут быть перечислены Игорю Викторовичу без вашего акцепта и подтверждения регистратора. Отказ сам по себе также не списывает деньги.

— Он прекращает право на акцепт.

— Это позиция, которую наверняка заявит другая сторона, — вмешалась Мария. — Мы ее оспорим. Утреннюю встречу с нотариусом не отменяем.

— Имеет смысл ехать раньше?

— Нотариус откроет контору в девять. Мы будем там к девяти тридцати. До этого надо сохранить устройство и получить от банка подтверждение приостановки.

Я посмотрела на папку у двери. В ней лежали опцион, выписка со счета, копия решения суда и проект акцепта. Документы мы проверили дважды. После третьей проверки в них не появилось бы ничего нового.

Зато в квартире оставался человек, который мог потратить следующие две минуты на бесполезный вопрос: кто это сделал?

Я знала как минимум трех людей, которым моя доля мешала. Игорь терял часть пакета. Павел переставал быть необходимым союзником брата. «Гранит Партнерс» получал акционера, которого не мог купить обещанием быстрой прибыли.

Подозрение не давало мне права назвать ни одного из них отправителем.

— Вера Павловна, кто уже знает о документе?

— Дежурный сотрудник расчетного подразделения, я и специалист информационной безопасности банка. Уведомление другой стороне формируется системой в соответствии с соглашением. Отменить его я не могу.

— Когда оно уйдет?

— После смены статуса в полночь.

Игорь узнает через несколько секунд после меня. Возможно, уже знает. Я не стала ему звонить. Любой разговор сейчас дал бы ему мою версию раньше, чем я получу хотя бы один проверенный факт.

На часах было 23:59.

Я встала и прошла в прихожую. Достала из шкафа пальто, положила рядом с сумкой ключи и зарядку для личного телефона. Машину решила оставить. Ночью я могла вести, но после банка предстояло вернуться к нотариусу, а сна до утра уже не будет. Такси избавляло от парковки и от соблазна набрать Игоря на светофоре.

— Алиса Сергеевна, вы остаетесь на линии? — спросила Вера.

— Да.

— Сейчас система обновит статус.

Я вернулась к ноутбуку. В правом углу экрана сменилось число. 00:00, 13 октября.

Страница банка обновилась без моего действия. Под суммой появилась строка:

«Период акцепта открыт. Операции приостановлены до завершения проверки противоречащих распоряжений».

Шестнадцать миллионов оставались на счете.

Право, за которое я собиралась заплатить эти деньги, теперь существовало одновременно с отказом от него.

— Статус вижу, — сказала Вера. — Средства заблокированы для любых операций. Расчетное подразделение получило запрет на автоматическое исполнение.

— Сколько времени займет проверка?

— Срок назвать нельзя, пока мы не определим объем данных. Сегодня ночью нужно зафиксировать ваше устройство и получить исходные сведения банка. Вы готовы приехать в офис?

— Адрес у площади Конституции?

— Да. Ночной вход со стороны служебной парковки. Я передам охране ваши данные.

— Буду через сорок минут.

Мария быстро сказала:

— Возьми паспорт, опцион и выписку. Корпоративный телефон не включай. Я приеду отдельно.

— Поняла.

Я вызвала такси с личного телефона. Приложение обещало машину через девять минут. Этого хватало, чтобы одеться, проверить окна и налить воду в маленькую бутылку. Я делала только то, что понадобится в ближайший час.

— Вера Павловна, кто будет фиксировать устройство? — спросила Мария.

— Мы вызвали дежурную группу «Форсайт Эксперт». Руководитель уже в пути.

— Фамилия?

Вера ответила после короткой паузы, видимо сверяясь с записью:

— Андрей Михайлович Левин.

Я застегнула пальто не с первой попытки и вернула бегунок молнии вниз.

— Вы знакомы? — спросила Вера.

— Пять лет назад он проверял нашу систему, — сказала я. — Мы расстались плохо.

Через сорок минут мне предстояло снова сесть напротив человека, чей отчет я однажды разрешила убрать в архив.

Глава 2. Подпись считается действительной

К служебному входу банка я приехала в 00:43.

Корпоративный телефон лежал в пакете для документов. Я держала пакет за верхний край, чтобы случайно не коснуться экрана через пластик.

Охранник сверил мой паспорт со списком и открыл калитку. Свет горел только на втором этаже и в служебном коридоре.

Мария ждала меня у рамки досмотра с синей папкой в руках.

— Сеть не включала?

— Он и не был выключен. Авиарежим не снимала, экран не трогала.

— Хорошо. Вера уже в переговорной. Эксперты приехали пять минут назад.

Мы прошли к лифту. Мария нажала кнопку второго этажа и посмотрела на пакет в моих руках.

— Ты позвонила Игорю?

— Нет.

— Он мне тоже не звонил. Его адвокат прислал два сообщения. Я не отвечала.

— Что он написал?

— Первое: «Просим не совершать действий до выяснения позиции доверителя». Второе: «Любые заявления после отказа будут оспорены».

— Значит, уведомление он получил.

— Или ждал его. Пока это разные версии одного факта.

Двери лифта открылись. Я не успела спросить, какая версия кажется Марии вероятнее. Вера Крылова встретила нас в коридоре и сразу провела в переговорную.

За овальным столом сидели двое мужчин. Одного я узнала прежде, чем он встал.

Пять лет добавили Андрею Левину седины на висках и почти не изменили манеру держаться. Он по-прежнему не начинал говорить, пока другой человек не закончит. Раньше мне казалось, что так он дает собеседнику время самому обнаружить слабое место в своих словах.

Второй мужчина был моложе, в темной рубашке и очках с тонкой оправой. Перед ним лежали бланки, номерные наклейки и закрытая черная сумка.

— Алиса Сергеевна, — сказал Андрей. — Доброй ночи.

— Для приветствий время подходящее.

Он принял замечание без улыбки.

— Это Денис Молчанов, старший эксперт нашей группы. До того как мы примем устройство, я должен раскрыть прежнюю связь с вашей компанией. В 2021 году я участвовал в проверке информационной безопасности «Северного маршрута». Работа закончилась разногласием с руководством. После этого заказов от компании у меня не было.

— Я помню.

— Банк получил эту информацию до моего приезда, — продолжил он. — Сегодня наша задача ограничена сохранением данных. Денис будет выполнять непосредственные действия с устройством. Мои выводы по существу документа в акт первичного осмотра не войдут.

Мария положила папку на стол.

— Этого достаточно, чтобы потом не заявили о скрытом конфликте интересов?

— Скрытого конфликта не будет, — ответила Вера. — Возможность дальнейшего участия Андрея Михайловича банк оценит после первичного этапа. Сейчас смена специалиста задержит сохранение сведений минимум на несколько часов.

— Отметьте это в протоколе, — сказала Мария.

— Уже отмечено.

Я поставила пакет с телефоном на свободное место.

— Могу я наконец услышать, что произошло с моей подписью?

Андрей не потянулся к устройству.

— Пока мы знаем, что банк получил электронный документ. К нему присоединена подпись, проверка которой завершилась успешно. Вы заявляете, что документ не создавали и согласия на его отправку не давали.

— Я это сказала еще по телефону.

— Теперь это надо связать с состоянием устройства и исходными данными банка. Сначала я задам несколько вопросов. После этого Денис зафиксирует телефон и поместит его в экранирующую упаковку.

— Вы считаете отказ подделкой?

— У меня нет данных, позволяющих так утверждать.

— Телефон был у меня.

— Это важно. Но действующая подпись может создаваться через удаленный сервис. Наличие телефона у владельца не доказывает, что никто не получил доступ другим способом.

— Значит, мое слово для вас ничего не стоит?

— Ваше заявление определяет предмет проверки. Техническое заключение должно опираться еще и на данные, которые можно повторно проверить.

Он говорил спокойно, и от этого хотелось спорить сильнее. Пять лет назад он тем же голосом объяснял, почему сезон перевозок не меняет уровень риска. Я отвечала, что остановка системы в октябре оставит без отгрузок девять крупных клиентов.

Игорь тогда выбрал отсрочку.

Я ее согласовала.

— Если вы сейчас назовете документ подделкой без основания, — сказала Мария, — адвокат Игоря использует эту фразу раньше нас. Давай ответим на вопросы.

Вера села напротив и включила запись встречи. Она назвала дату, время, участников и цель: фиксация спорного распоряжения и сохранение доступных сведений. Затем передала слово Андрею.

— Когда вы в последний раз пользовались корпоративным телефоном до уведомления банка?

— В двадцать три сорок семь проверяла приложение. До этого отвечала в рабочем чате около десяти вечера.

— Точное время потом установим. Где находился телефон с семи вечера?

— В квартире. Сначала на кухне, потом на столе рядом с ноутбуком.

— Кто был в квартире?

— Никто.

— Кто знает код разблокировки?

— Только я. Код из восьми цифр, биометрия тоже включена.

— Вы сообщали код сотруднику службы поддержки, помощнику, мужу?

— Игорь мне больше не муж. Код я никому не сообщала.

Денис поднял глаза от бланка, но ничего не сказал. Андрей задал следующий вопрос без паузы.

— Когда вы в последний раз использовали приложение удаленного подписания?

— В пятницу, около половины пятого. Подписывала дополнительное соглашение с перевозчиком из Новгорода.

— Вход подтверждали на этом устройстве?

— Да.

— Каким способом?

Я попыталась восстановить обычную последовательность. Значок приложения, код, окно с названием документа, подтверждение.

— Кодом приложения и уведомлением на телефоне. Возможно, было дополнительное сообщение, но я не уверена.

— Не додумывайте. Позже посмотрим регламент сервиса и журналы. Сегодня после работы вам приходили запросы на подтверждение входа или смены доступа?

— Я ничего такого не видела.

— Письма в корпоративной почте?

— Не видела.

— Почта открыта на этом телефоне и ноутбуке?

— На телефоне. На домашнем ноутбуке есть только банковский кабинет и личная почта.

— Хорошо. Корпоративную почту с других устройств до создания копии не открывайте. Если там менялись правила или удалялись уведомления, обычный вход может добавить новые события в журнал.

— Я должна утром работать.

— С личного телефона можете звонить. По корпоративным системам сначала согласуйте с вашей службой безопасности и юристом. Я не вправе отстранять вас от работы. Я объясняю, что может изменить данные.

Вера подвинула ко мне один лист.

— Здесь письменное подтверждение банка. С полуночи операции по условному счету приостановлены. Средства остаются в полном объеме. Основание — поступление противоречащих распоряжений и ваше заявление, сделанное в записанном разговоре.

Я прочитала текст от начала до конца. В нем не было слов «подделка», «мошенничество» или «взлом».

— Вы по-прежнему считаете отказ действительным?

— Для банковской системы подпись считается действительной, поскольку сертификат прошел автоматическую проверку, — ответила Вера. — Это не означает, что банк установил вашу волю. Поэтому мы ничего не исполняем.

— Отказ поступил до открытия периода акцепта.

Мария раскрыла опцион на нужной странице.

— Формулировка позволяет направить заявление об отказе до совершения акцепта. Мы будем доказывать, что Алиса такого заявления не делала. Само время не позволяет банку удалить документ.

— А утром я могу подписать акцепт лично?

— Да, — сказала Мария. — Встреча у нотариуса остается на девять тридцать. Если проверка в лаборатории задержится, я предупрежу контору. Главное — совершить акцепт в пределах семидесяти двух часов и передать его банку с подтвержденным временем.

Вера добавила:

— Банк примет документ и отметит поступление. Передача денег и обращение к регистратору останутся приостановленными до разрешения противоречия.

Я поставила подпись под подтверждением получения. Один вопрос закрылся: шестнадцать миллионов не уйдут без меня. Остальные только получили номера и ответственных.

Денис попросил разрешения начать фиксацию телефона. Я сняла пакет за верхний край и положила его на белый лист разметки. Он сделал снимки с четырех сторон, назвал время и проверил, что аппарат остается включенным. Экран погас еще в такси; разблокировать его пока не требовалось.

— Заряд помните? — спросил Денис.

— Когда выходила, было около шестидесяти процентов.

— Этого достаточно. Подключать питание здесь не будем.

Он достал из черной сумки плотный серый пакет с металлизированным внутренним слоем.

— Сейчас устройство будет изолировано от радиосвязи. Техническую копию в согласованном объеме создадим в лаборатории при вас. До этого телефон не включаем, не разблокируем и не подключаем кабель.

— Он уже включен, — сказала я.

— Верно. Я имею в виду, что не будем активировать экран и выводить его из текущего режима. Состояние питания сохраняем, пока это возможно.

Мария спросила:

— Телефон принадлежит компании. Какие данные вы вправе копировать по согласию Алисы?

— Сегодня она передает устройство на временное хранение и разрешает сохранить сведения, относящиеся к ее электронной подписи, банковскому приложению и событиям доступа. Корпоративный контейнер целиком мы без отдельного основания не исследуем. Утром банк направит компании официальный запрос о сохранении журналов, а объем доступа согласуем письменно.

— Если Игорь откажет?

— Отказ тоже будет зафиксирован. Частный эксперт не получает корпоративные данные силой.

Андрей произнес последнюю фразу, глядя на меня. В прошлую нашу встречу я обвиняла его в том, что он требует остановить работу, не отвечая за последствия. Сейчас он заранее обозначал предел собственных возможностей.

Мне это не понравилось. Но спорить с пределом было бессмысленно.

Денис вложил телефон в экранирующий пакет, закрыл клапан и наклеил две номерные пломбы. Номера прочитал вслух. Я сверила их с актом.

— Устройство остается у нас до первичного копирования, — сказал Андрей. — В восемь тридцать вы приезжаете в лабораторию. Разблокируете телефон сами. После получения копии мы либо вернем аппарат, либо оформим новое хранение, если появится основание.

— Мне нужен рабочий номер.

— Свяжитесь со службой безопасности с личного телефона, — сказала Мария. — Попросим временную связь без восстановления этой учетной записи.

— Новый профиль на тот же номер создавать нельзя, — уточнил Андрей. — До запроса оператору это может изменить доступные сведения.

— Тогда отдельный номер без корпоративных приложений, — решила я. — Утром дам диспетчерской личный контакт.

За следующие полтора часа мы заполнили акт передачи, мое согласие на ограниченное исследование и перечень данных, которые банк должен сохранить. Исходный файл отказа. Отчет автоматической проверки подписи. Время приема на сервере. Адрес и параметры сессии, доступные банку. Отдельно Вера подготовила запрос оператору сервиса удаленного подписания о сохранении журналов до официального определения объема проверки.

В 02:36 Вера принесла кофе из автомата. Денис проверял номера приложений к акту, Мария исправляла формулировку запроса, Андрей согласовывал с лабораторией время приема устройства.

Я выпила половину кофе и отставила стакан. Через пять часов надо было выглядеть достаточно собранной, чтобы нотариус не сомневался в моей способности понимать собственные действия.

Андрей закончил разговор и сел напротив.

— У меня остался вопрос, который лучше задать без спешки. Вы уверены, что вечером телефон работал обычно?

— Я уже ответила.

— Вы ответили, что не видели запросов на вход. Я спрашиваю о связи, уведомлениях, перезагрузке, разряде батареи. Любом отклонении от обычного режима.

— Телефон лежал рядом. Если бы он перезагрузился, я бы заметила.

— Тогда пройдите вечер по действиям. Последний рабочий звонок. Последнее сообщение. Момент, когда вы проверяли счет.

— Вы рассчитываете, что память станет точнее в три часа ночи?

— Нет. Поэтому я прошу опереться на личный телефон. В нем есть журнал звонков?

Я открыла список вызовов. После полуночи там стояли Мария, такси и банковский номер. Ниже — Лариса Мельникова, начальник диспетчерской службы. 22:36, две минуты восемнадцать секунд.

Я вспомнила разговор.

— Лариса позвонила на личный. Сказала, что рабочий номер недоступен.

— Что вы сделали?

— Решила, что у оператора сбой. Дома телефон был подключен к беспроводной сети, рабочий чат открывался. После разговора я набрала свой корпоративный номер с личного.

В журнале исходящих сразу за звонком Ларисы стоял мой рабочий номер. 22:39. Продолжительность — ноль секунд.

— Вызов не прошел, — сказала я. — Потом я попробовала еще раз.

Второй исходящий был в 22:50. Продолжительность — четыре секунды.

— Рабочий телефон зазвонил, и я сбросила. Связь восстановилась.

— Между проверками одиннадцать минут, — сказал Денис.

Он не потянулся к моему личному телефону. Сначала положил рядом чистый бланк и попросил разрешения сфотографировать только эти три строки журнала вызовов. Я согласилась.

— Это мог быть обычный сбой? — спросила я.

— Мог, — ответил Андрей. — Пока у нас есть только интервал, когда корпоративный номер был недоступен вам. Причину покажут данные оператора, если они сохранились и будут предоставлены.

— А если в эти одиннадцать минут кто-то получил доступ?

— Тогда должны остаться другие события: изменение профиля, запрос подтверждения, новая сессия. Мы будем искать последовательность. Один пропущенный вызов ее не заменяет.

Денис внес в перечень еще один запрос: проверить события корпоративного номера с 22:39 до 22:50.

Глава 3. Моя подпись

В 08:31 Денис показал мне обе пломбы на экранирующем пакете.

Номера совпадали с ночным актом. Я расписалась в строке проверки, после чего он разрезал край упаковки и достал корпоративный телефон. Заряда осталось сорок три процента. Аппарат по-прежнему находился в авиарежиме.

— Сейчас подключим его кабелем к изолированной станции, — сказал Денис. — Сетевому доступа у нее нет. Сначала вы разблокируете экран, затем мы создадим копию доступной пользовательской области и отдельно сохраним сведения приложения подписи. Корпоративный контейнер не открываем.

Я ввела код. На экране осталась карточка банковского отказа, которую я видела перед выездом. В правом верхнем углу стояло 08:32. Новых уведомлений не было.

Андрей находился за соседним столом и заполнял журнал действий. После ночной встречи он успел сменить рубашку, но в лаборатории был раньше нас. Я успела поспать два часа сорок минут, приняла душ и позавтракала половиной банана. Мария встретила меня у входа с двумя стаканами воды и запретила покупать второй кофе до нотариуса.

— Приложение открываем? — спросил Денис.

— После копирования, — ответил Андрей. — Сначала состояние на момент передачи.

Он назвал время подключения, номер станции и контрольную сумму носителя, на который пойдет копия. Денис повторил данные для записи. Я слушала и смотрела, как на экране рабочей станции растет счетчик. Никаких бегущих строк, карт города или мгновенных ответов там не было. Только объем обработанных данных и расчетное время окончания.

— Успеем к девяти пятнадцати? — спросила Мария.

— Первичный образ доступной области — да, — сказал Денис. — Анализ нет.

— Мне нужен телефон после копирования, — напомнила я.

— Вернем, если приложение и системные события сохранятся в копии, — ответил Андрей. — Но до получения данных оператора лучше не восстанавливать корпоративный номер и не входить в сервис подписи.

— Я не могу неделю работать без связи.

— Отдельный номер без привязки к старой учетной записи безопаснее. Вы вчера приняли это решение.

Я помнила. Усталость не отменяла согласия, данного три часа назад.

В 08:54 копирование закончилось. Денис создал вторую контрольную сумму и сравнил ее с первой. Затем открыл в копии список установленных приложений и журнал локальных уведомлений.

— Отказа здесь нет, — сказал он через несколько минут. — В приложении банка есть уведомление о получении документа. События создания или отправки мы пока не видим.

— Значит, документ отправили не с этого телефона.

— Это рабочая версия, — ответил Андрей. — Локальное отсутствие файла не доказывает, что устройство не участвовало в подтверждении входа или что данные не удалили. Нам нужны журналы удаленного сервиса.

— Вы всегда оставляете себе возможность сказать, что ничего не установлено?

— Пока ничего не установлено, да.

Денис повернул к нам второй экран.

— Есть полезная деталь. В профиле приложения указан корпоративный номер как канал восстановления доступа. Само правило хранится на стороне сервиса, но номер виден в настройках пользователя.

— Я его не выбирала, — сказала я.

— Профиль создавали вы? — спросил Андрей.

— Сотрудник нашей службы безопасности. Я присутствовала, подтверждала личность и потом подписала акт выдачи доступа.

— В акте должны быть настройки восстановления.

— Или ссылка на корпоративный регламент, — добавила Мария. — Запросим оба документа.

Я посмотрела на номер. Он принадлежал «Северному маршруту», как и тариф, устройство и договор с оператором. Я пользовалась им восемь лет и привыкла считать своим, но право управлять профилем связи оставалось у компании.

— Кто в компании может перевыпустить профиль? — спросил Андрей.

— Администраторы мобильных устройств и руководитель службы безопасности. При аварии — дежурный сотрудник по заявке директора подразделения.

— Вы когда-нибудь подписывали такую заявку?

— Не помню.

— Это лучше, чем уверенное «никогда». Дайте письменное согласие включить ваши заявки и настройки в запрос компании.

Мария остановила меня до того, как я взяла ручку.

— Сначала сформулируйте объем. Алиса не дает доступ ко всей переписке и кадровым документам.

Андрей перечислил: карточка пользователя, история изменения номера в профиле подписи, заявки на выпуск и перенос eSIM, список уполномоченных администраторов, правила восстановления. Никаких писем по клиентам или маршрутам.

Я подписала согласие. Если среди старых документов найдется моя заявка, фонд получит удобный довод о небрежности. Скрыть ее сейчас означало оставить противной стороне возможность найти первой.

В 09:12 телефон вернули мне в авиарежиме. Денис приложил к акту сведения о копии, носителе и контрольных суммах. Исходная копия оставалась у экспертов, резервная — в банковском хранилище. Телефон я убрала в новый экранирующий пакет без пломб: пользоваться им до согласованного решения все равно было нельзя.

До нотариальной конторы мы доехали за семнадцать минут. Мария предупредила секретаря, что опоздания нет, но документы потребуют дополнительной проверки. В приемной сидели две женщины и пожилой мужчина с папкой по наследству. Никому не было дела до моих акций и развода.

Нотариус пригласил нас в 09:48. За стол я села одна; Мария осталась сбоку и не отвечала вместо меня.

— Алиса Сергеевна, вы понимаете содержание заявления? — спросил нотариус.

— Да. Я акцептую безотзывную оферту Игоря Викторовича Соколова о продаже двадцати процентов акций АО «Северный маршрут» за шестнадцать миллионов рублей.

— Денежные средства размещены?

Я передала банковское подтверждение. Он сверил реквизиты и сумму.

— Мне известно о поступившем ранее электронном отказе, — продолжила я. — Его направила не я. Банк приостановил операции.

— Я фиксирую ваше личное волеизъявление и время совершения действия. Действительность другого документа и спор сторон я не оцениваю.

— Понимаю.

Он проверил паспорт, решение суда, опцион и выписку из реестра условий. Затем попросил меня прочитать подготовленный текст без помощи Марии. Я нашла неверную дату выдачи паспорта в одном приложении. Секретарь исправила ее и распечатала страницу заново.

В 10:20 я подписала акцепт собственноручно.

Нотариус удостоверил подпись, внес действие в реестр и выдал бумажный экземпляр вместе с электронным документом, подписанным уже им. Время стояло на каждой странице приложения.

Мария отправила электронный экземпляр банку и регистратору через предусмотренные каналы. Мы дождались автоматических квитанций о доставке. Банк принял документ в 10:29, регистратор — в 10:31.

— Теперь срок соблюден, — сказала я.

— Теперь у нас есть подтверждение, что ты совершила акцепт сегодня лично, — уточнила Мария. — Вопрос о том, прекратил ли прежний отказ твое право, остается спорным.

— Я помню разницу.

— Хорошо. В суде ее придется повторить много раз.

На улице я включила личный телефон. За время у нотариуса пришли двадцать три рабочих сообщения. Лариса спрашивала, куда звонить по двум задержанным машинам. Начальник службы безопасности просил срочно подтвердить, что корпоративное устройство находится у внешних экспертов. Игорь написал один раз: «Нам надо поговорить до того, как юристы испортят то, что еще можно решить».

Я ответила только Ларисе. Дала временный номер, попросила переслать сводку по задержкам и назначила короткую связь на полдень. Службе безопасности Мария направила копию акта передачи и запрос банка. Игорю мы не ответили.

Лариса перезвонила, когда мы уже сидели в такси.

— У нас две машины с фармой зависли под Новгородом, — сказала она без приветствия. — У одного перевозчика водитель выбрал часы, второй требует доплату за смену тягача. В системе согласование висит на тебе.

— Номера рейсов.

Она продиктовала. Я записала их на обороте квитанции такси.

— По первому подними резервного перевозчика из списка на октябрь. Там есть согласованный тариф на экстренную замену. По второму проверь, входит ли смена тягача в их обязанность при нарушении режима водителя.

— Входит. Они спорят, что задержка возникла на складе клиента.

— Сколько простоя подтверждено воротами?

— Сорок семь минут. До нарушения режима не хватает часа двадцати.

— Тогда причина их. Доплату не согласовывай. Пусть присылают письменный расчет и данные тахографа. Фарма должна уйти до тринадцати.

— Подпись на резервного нужна твоя.

Я посмотрела на телефон в экранярующем пакете. Старую учетную запись мы не включали, а новый номер еще не был оформлен.

— Подготовь заявку и передай финансовому директору по действующей матрице замещения. Я подтверждаю решение с личного адреса, поставлю Марию и службу безопасности в копию. До восстановления доступа ничего от моего имени через корпоративную систему не подписывать.

Лариса помолчала ровно столько, чтобы записать.

— Приняла. Что говорить людям про твой номер?

— Техническая проверка. По операциям работа идет через тебя и моего заместителя. Слухи не комментируй.

— Они уже есть.

— Значит, тем более не комментируй. В тринадцать позвони по машинам.

Я завершила вызов и попросила Марию отправить короткое подтверждение в присутствии водителя такси, не называя ни отказ, ни опцион. Рабочий вопрос занял шесть минут. Он

не сделал происходящее обычным, но напомнил, почему мне была нужна доля в компании, где даже во время развода лекарства должны приезжать по графику.

В банк вернулись около одиннадцати. Вера приняла нотариальный документ, проверила квитанции и выдала подтверждение: акцепт поступил в пределах установленного периода, деньги сохранены в полном объеме, автоматическое исполнение приостановлено.

— Вы можете сообщить регистратору, что срок соблюден? — спросила я.

— Уже сообщили. Регистратор отметил поступление документов с обеих сторон и не проводит операцию до разрешения противоречия.

— Кто будет его разрешать?

— Стороны по соглашению или суд. Банк не вправе выбрать документ, который ему больше нравится.

Андрей и Денис приехали через десять минут с первичной справкой. В ней было три страницы и больше ограничений, чем выводов. Телефон находился у меня. Запросы оператору связи, сервису подписи и компании только отправили. Локальный журнал не содержал файла отказа и события его отправки.

— Если телефон чистый, почему этого недостаточно? — спросила я, хотя уже знала его ответ.

— Он не чистый и не грязный, — сказал Андрей. — У нас есть копия ограниченной области. Она показывает, что файл не обнаружен в доступных данных. Удаленный сервис мог использоваться с другого устройства, а ваш телефон мог служить только каналом восстановления. Эти варианты проверяются вне телефона.

— Корпоративный номер оформлен на компанию, — сказала Вера. — Оператор подтвердил владельца договора, но историю профиля пока не предоставил.

— Значит, Игорь мог распорядиться номером.

— Генеральный директор имеет управленческие полномочия, но конкретный перенос выполняется по процедуре и оставляет записи, — ответил Андрей. — Слово «мог» пока относится к кругу возможностей, а не к конкретному действию.

Я открыла справку на последней странице. Там находилась форма согласия на получение корпоративных журналов. Объем совпадал с тем, что мы согласовали в лаборатории.

— Если в журналах будет моя заявка на аварийное восстановление, вы включите ее в отчет?

— Да.

— Даже если она не относится к вчерашнему вечеру?

— Если она создала действующее правило доступа, относится.

Мария посмотрела на меня, оставляя решение за мной.

Я подписала форму второй раз — уже для банка. После этого Вера зарегистрировала запрос и присвоила ему номер.

В 12:17 на почту Марии пришло письмо от адвокатов «Гранит Партнерс». Она прочитала его, открыла вложение и развернула ноутбук ко мне.

Фонд готовил заявление об обеспечительных мерах. До разрешения спора он требовал запретить регистратору любые операции с двадцатипроцентным пакетом.

Мой акцепт был совершен вовремя. Получить акции вовремя мне уже не дадут.

Глава 4. Запрет на долю

В заявлении фонда было двадцать семь страниц и одна простая цель: не дать регистратору перевести акции на мое имя.

Мы читали его в офисе Марии после возвращения из банка. Я сидела у окна с распечаткой, она отмечала неточности в электронном файле. Адвокаты «Гранит Партнерс» не называли меня мошенницей. Они писали, что возникла неопределенность в воле получателя опциона, а любая операция до решения суда способна причинить акционерам значительный ущерб.

— С этой частью я согласна, — сказала я.

Мария перестала печатать.

— Повтори.

— Если регистратор сейчас переведет пакет Игорю, фонду или любому третьему лицу, мы получим еще один спор. Запрет на отчуждение защищает акции.

— Фонд просит запретить перевод только в твою пользу.

Я перечитала просительную часть. Там действительно не было общего запрета. Регистратору предлагали приостановить исполнение моего акцепта, а Игорю оставляли возможность распоряжаться пакетом в пределах других соглашений.

— Тогда предлагаем встречную меру. Запрет любых операций с этими акциями. Списание, зачисление, залог, передача номинальному держателю.

— И сохраняем отметку о поступлении твоего акцепта, — добавила Мария. — Суд пока не решает, какой документ действителен. Он только удерживает положение сторон.

— Сколько времени у нас?

— Заявление могут рассмотреть без вызова сторон. Возражения подадим сегодня. До вечера мне нужны банковские подтверждения, нотариальная квитанция и акт передачи телефона. Техническую справку приложим только с согласия банка.

Я открыла приложение к заявлению фонда. В качестве доказательства моей якобы добровольной воли адвокаты использовали соглашение о продаже совместной квартиры и расчет будущей выплаты. По их версии, после раздела имущества я получала достаточную компенсацию и поэтому отказалась от акций.

— Они смешали две сделки, — сказала я. — Квартира продается отдельно. Цена опциона уже лежит в банке. Между ними нет зачета.

— Это будет в возражениях. Но экономическую логику отказа они показали: ты получаешь деньги от квартиры, сохраняешь должность и снимаешь претензии на долю.

— Я ничего не снимаю.

— Поэтому у нас есть личный акцепт. Для временной меры суд не обязан сейчас разбирать весь спор.

Мне хотелось потребовать немедленной передачи пакета и назвать любой запрет уступкой. Такой ответ был бы понятен после ночи без сна. Он также оставлял Игорю возможность продать акции, пока мы доказываем, кто отправил отказ.

— Подавай встречное предложение, — сказала я. — Лучше замороженный пакет, чем пакет у третьего лица.

Мария внесла формулировку в документ. Я собрала бумаги и поехала в «Северный маршрут».

В офис вошла в 14:06. Пропуск сработал, охранник поздоровался как обычно, но на рабочем этаже мне уже было запрещено входить в сервис подписи. На экране появилось уведомление службы безопасности: доступ временно ограничен в связи с расследованием инцидента.

Операционная система открылась. Я увидела оба новгородских рейса. Первый уже передали резервному перевозчику, второй вышел со стоянки без доплаты. Лариса выполнила договоренность и прикрепила данные тахографа.

— Фарма будет у клиента в окне, — сказала она, заходя в кабинет. — По первому опоздаем на двадцать минут, они приняли уведомление.

— Хорошо. Что еще?

— Финансовый просит твое подтверждение по резервной машине.

— Мое письмо у него есть. Подписывает по матрице замещения.

— Он боится.

— Тогда пусть напишет, какого полномочия ему не хватает. Страх в регламенте не указан.

Лариса положила на стол сводку. Обычно она оставляла ее в системе, но сегодня принесла бумажный экземпляр, чтобы я могла работать без закрытых модулей.

— Люди спрашивают, почему твой номер отключен.

— И что ты отвечаешь?

— Техническая проверка. Как велела.

— Этого достаточно.

— Для смены — да. Для бухгалтерии нет. Там уже решили, что тебя увольняют.

— Меня не увольняют.

Я произнесла это уверенно, хотя заседание совета еще не назначили, а Игорь имел право менять структуру управления в пределах договора. Мой трудовой статус и его корпоративные полномочия существовали отдельно. До официального решения я оставалась заместителем генерального директора.

— Если что-то изменится, руководители узнают от меня или кадров, — продолжила я. — Не собирай версии.

— Я их не собираю. Они сами приходят вместе с табелями.

Лариса ушла проверять вечернюю смену. Я открыла сводку и занялась тем, что могла решить без электронной подписи: переносом времени подачи машин, претензией к подрядчику и резервом на пятницу.

Через двадцать минут система закрыла раздел договоров. Затем исчез доступ к архиву совета директоров. Операционные данные оставались, но круг разрешенных действий сужался без объяснения на экране.

Я позвонила руководителю службы безопасности с личного номера.

— Ограничения введены по распоряжению генерального директора и запросу банка, — сказал он. — Учетные записи, связанные с подписью, заблокированы. Архив совета закрыт до определения состава участников проверки.

— Пришлите перечень ограничений и основания на мой личный адрес через Марию. Рабочую почту я не открываю до копирования.

— Уже готовим. Временный номер сможем выдать только без переноса старого профиля.

— Выдавайте. Корпоративные приложения не устанавливать.

— Максим привезет аппарат к шестнадцати.

Имя администратора я записала на полях сводки: Максим. До этого дня мы встречались несколько раз на совещаниях, и я не помнила его отчества. Через сотню сотрудников проходят десятки технических заявок; руководитель видит результат, пока одна из них не становится частью спора на семьдесят миллионов.

В 15:12 дверь кабинета открыл Игорь. Он постучал уже после того, как вошел.

На нем был темно-синий костюм без галстука. В руке он держал телефон, мой номер на его экране не определился. Девять месяцев раздельной жизни научили меня замечать в нем

изменения без желания их обсуждать. Он похудел, стал чаще тереть переносицу и по-прежнему входил в любой кабинет так, словно предварительное согласие относилось только к другим.

— Лиса, нам надо поговорить.

— В офисе я Алиса Сергеевна.

— Мы пятнадцать лет были женаты.

— До вчерашнего дня. Сейчас рабочее время.

Он закрыл дверь.

— Ты подала возражения на запрет?

— Мои адвокаты готовят позицию.

— Фонд защищает компанию. Если регистратор переведет тебе пакет, совет окажется в тупике.

— Пятьдесят пять процентов пока у тебя. Где тупик?

— Ты придешь в совет с обвинением в подделке и остановишь финансирование.

— Операции остановил документ, отправленный от моего имени. Я сегодня лично акцептовала оферту. Деньги в банке.

— Я знаю.

— Откуда?

— Регистратор уведомил стороны.

Ответ был возможным. Он ничего не доказывал.

— Ты знал об отказе до уведомления банка?

Игорь положил телефон на край стола.

— Я знал, что юристы ищут способ не допустить корпоративного конфликта.

— Это не ответ.

— Я не подписывал документ за тебя.

— Я не спрашивала, подписывал ли ты его лично.

Он прошел к окну, но не сел.

— Не выноси семейный спор наружу. Отзови запросы, мы подпишем нормальное соглашение. Ты получишь деньги, квартиру и останешься в компании.

— На какой должности?

— На своей, если перестанешь превращать каждое решение в проверку моей порядочности.

— Моя подпись использована без моего согласия. Проверка уже началась.

— И что она даст? Банк заморозит деньги, фонд остановит кредитную линию, клиенты узнают о споре. Ты получишь право годами судиться за неликвидный пакет.

— Тогда помоги установить, кто отправил отказ.

— Сначала останови юристов.

— Нет.

Он посмотрел на бумажную сводку передо мной.

— Ты правда думаешь, что сможешь работать здесь, пока обвиняешь владельцев?

— Я обвиняю только того, чьи действия будут подтверждены. Пока я работаю. Две машины с фармацевтическим грузом уже вышли, пятничный резерв надо утвердить до шести. Если ты хочешь изменить мои полномочия, сделай это официально.

— Не заставляй меня.

— Тебе не требуется мое разрешение, чтобы вынести вопрос на совет.

Он взял телефон и открыл дверь.

— Вечером позвонит мой адвокат.

— Пусть звонит Марии.

После его ухода я записала время разговора и основные фразы. Запись разговора без согласования могла вызвать отдельный спор, поэтому диктофон я не включала. Службная

заметка не доказывала каждое слово, но фиксировала мою версию до того, как память начнет ее улучшать.

Временный телефон привезли в 16:08. Максим оказался тем самым молодым администратором, который два года назад настраивал нам защищенный рабочий чат. Он передал коробку, акт и новую SIM-карту.

— Номер новый, к старому профилю не привязан, — сказал он. — Только звонки и сообщения. Приложения установите после разрешения безопасности.

— Вы имеете доступ к истории переносов корпоративных номеров?

Он перестал собирать упаковку.

— По заявке службы безопасности.

— Банк направил запрос. Сохраните журналы и не меняйте записи.

— Нам уже сообщили.

— Кто?

— Руководитель службы. Я поставил архивирование.

Он отвечал ровно и смотрел на акт, а не на меня. Это могло означать усталость, осторожность или обычную нелюбовь к разговорам с руководством. Я не стала выбирать версию.

— Подпишите время выдачи, — сказал Максим.

Я подписала акт и отпустила его. Его имя осталось в моей заметке рядом с временным номером.

К семи вечера Мария подала возражения. Мы просили запретить Игорю и регистратору любые операции с конкретным пакетом, сохранить отметки о поступлении обоих документов и не считать временную меру решением вопроса об их действительности.

Домой я приехала после восьми. Поела суп, поставила личный и временный телефоны на зарядку и легла в девять двадцать. Будильник прозвонил в 05:40. За восемь часов сна организм не успел вернуть мне спокойствие, но голова снова работала с обычной скоростью.

Определение суда поступило 14 октября в 11:26. Суд запретил списание, зачисление, залог и иное отчуждение двадцатипроцентного пакета до рассмотрения спора. Регистратор должен был сохранить сведения о поступившем отказе и моем нотариальном акцепте.

Фонд не получил право считать отказ действительным. Я не получила право забрать акции.

— Мера широкая, — сказала Мария по видеосвязи. — Она мешает всем сторонам. Мы можем просить уточнения, но отменять запрет целиком сейчас опасно.

— Не отменяем. Следим, чтобы Игорь не создал обременение задним числом и чтобы регистратор сохранил отметку об акцепте.

— Согласна. Следующее заседание назначат после представления основных документов.

В 12:10 секретарь совета директоров прислал повестку на утро пятнадцатого октября. Третий пункт назывался «О временном ограничении корпоративных полномочий заместителя генерального директора по операциям в связи с инцидентом информационной безопасности».

В совете было пять человек. Игорь и Виктория Чернышова уже заняли понятные позиции. Павел обычно голосовал вместе с братом, когда вопрос касался денег. Роман Гайдук и Елена Нестерова требовали документы заранее и не любили, когда их просили довериться чьему-то слову.

Я могла позвонить каждому отдельно и рассказать о поддельном отказе. Тогда к утру у совета было бы пять разных пересказов одного разговора и готовое основание обвинить меня в давлении.

Вместо звонков подготовила единый пакет. Подтверждение блокировки денег. Нотариальный акцепт. Акт передачи телефона. Краткая справка экспертов с прямым указанием, что причина создания подписи еще не установлена. Определение суда приложила последним.

Мария проверила сопроводительное письмо.

— Убери фразу «документ, созданный злоумышленниками», — сказала она. — Пока мы этого не доказали.

— Оставить «документ, направленный без моего согласия»?

— Да. Это твое заявление о собственной воле, а не вывод о чужих действиях.

Я исправила письмо и передала пакет через секретаря одновременно всем членам совета.

После этого открыла действующую матрицу замещения. В отдельный список внесла фармацевтические рейсы, резерв перевозчиков, платежи с дедлайном до пятницы и три клиентских претензии. Рядом указала сотрудника, который уже имел право принять решение. Я не собиралась доказывать свою необходимость остановленными машинами.

Если совет проголосует против меня, передача начнется в тот же день.

Глава 5. Без права подписи

На заседание совета меня пригласили без права голоса и с пятнадцатью минутами на выступление.

Перед поездкой в офис я заехала в банк. В 08:12 Вера приняла корпоративный телефон, который после копирования оставался у меня в экранирующем пакете. Аппарат не включали. Его поместили в номерную упаковку и оставили в банковском хранилище до решения суда о возврате владельцу. Отдельный акт я передала Марии.

К девяти утра 15 октября в зале собрались все пять директоров. Игорь сидел во главе стола. Справа от него расположились Павел и Виктория Чернышова, слева — Роман Гайдук и Елена Нестерова. Секретарь включила запись и раздала документы, которые я отправила накануне.

Мой пакет лежал сверху. Под ним Виктория разместила проект решения об отзыве корпоративных доверенностей, блокировке рабочих учетных записей и передаче моих функций генеральному директору до завершения проверки.

— Алиса Сергеевна, — сказал Игорь, — изложите позицию.

Я встала. Документы уже были у каждого, поэтому пересказывать их не стала.

— Банк получил два противоречащих распоряжения. Средства заблокированы. Суд запретил любые операции с пакетом и сохранил отметки об обоих документах. Причина использования моей электронной подписи пока не установлена. Телефон скопирован в согласованном объеме, запросы оператору и компании направлены.

Виктория перелистнула справку.

— При этом вы продолжаете руководить операциями и можете давать распоряжения сотрудникам.

— В пределах действующих полномочий. Сервис подписи и архив совета для меня закрыты со вторника.

— Инцидент возник с вашей учетной записью. Компания не может сохранять риск.

— Поэтому я подготовила передачу функций. Это не требует признавать мой отказ действительным или прекращать трудовой договор.

Елена спросила:

— Какие решения нельзя отложить до конца недели?

Я открыла таблицу. Три платежа перевозчикам, продление лимита топлива, согласование резерва на фармацевтические рейсы, ответ по клиентской претензии и график субботней смены. У каждого пункта был исполнитель, заместитель и крайний срок.

— Если ваши доверенности отзовут сегодня, кто подпишет платежи?

— Финансовый директор по матрице замещения. Операционные решения перейдут моему заместителю. Лариса Мельникова возьмет диспетчерскую и резерв перевозчиков. Я передам им фактическое состояние дел по акту.

Роман посмотрел на Игоря.

— Значит, остановки работы не будет.

— Если передача пройдет по этому плану, нет, — ответила я.

Павел впервые поднял голову от телефона.

— А если она удалит что-нибудь до передачи?

— Корпоративные журналы уже сохраняются, — сказала Елена. — И, насколько я понимаю, изменение данных станет отдельным событием.

— Я ничего не удаляю, — сказала я. — Но готова передавать оборудование при сотруднике безопасности.

Игорь постучал ручкой по столу.

— Мы обсуждаем управление риском, а не личные обвинения.

— Тогда формулировка решения должна быть нейтральной, — сказала я. — Отзыв полномочий на время проверки, сохранение должности и зарплаты, отсутствие вывода о моей вине.

Виктория положила перед членами совета еще один документ.

— Фонд готов предоставить компании дополнительное финансирование на сорок миллионов. Условия — продажа склада в Шушарах, сокращение административных расходов и исключение Алисы Сергеевны из оперативного управления на период реструктуризации.

— Склад обеспечивает треть фармацевтических отгрузок, — сказала я. — После продажи мы перейдем на аренду и потеряем контроль температуры на ночной приемке.

— Компания получит ликвидность.

— И постоянный расход вместо собственного актива.

— Это будет предметом отдельного решения, — вмешался Роман. — Сегодня финансирование не стоит в повестке.

Виктория не спорила. Она добилась нужного: все увидели цену, по которой фонд готов был поддержать компанию без меня.

После моего выступления совет перешел к закрытому обсуждению. Я ждала в приемной сорок минут. За это время Лариса прислала сводку по утренним рейсам, а временный телефон трижды показал звонок от неизвестного номера. Я не отвечала: все участники спора знали контакт адвоката.

Секретарь пригласила меня в 10:17.

Решение приняли единогласно. Совет рекомендовал генеральному директору отозвать мои доверенности на подписание платежных и договорных документов, временно ограничить доступ к корпоративным системам, кроме материалов передачи, и назначить исполняющих обязанности. Трудовой договор, должность и зарплата сохранялись до отдельного решения. В протоколе прямо указывалось, что мера не устанавливает мою ответственность за инцидент.

— Я подпишу приказ в течение часа, — сказал Игорь.

— Передача займет рабочий день, — ответила я. — Доступ к операционной системе нужен до подписания актов исполнителями.

— До восемнадцати часов, только чтение и подготовка передачи, — решила Елена.

Игорь хотел возразить, но Роман поддержал:

— Иначе мы сами создадим риск, от которого защищаемся.

Я расписалась в ознакомлении с протоколом и вышла.

Роман догнал меня у лифта.

— Вы не будете оспаривать отзыв доверенностей?

— Если приказ останется в пределах протокола, оснований спорить с временным ограничением я не вижу.

— Большинство руководителей на вашем месте уже искали бы суд по трудовым вопросам.

— Трудовой договор не прекращен. Доверенность можно отозвать. Если Игорь попытается оформить это как признание моей вины или перестанет платить зарплату, разговор будет другим.

Лифт приехал, но Роман не вошел. Нажал кнопку отмены и продолжил:

— Вы видели условия фонда по складу?

— Только краткий лист Виктории.

— Кредитная линия компании нужна в ноябре. Без дополнительного лимита будет разрыв по топливу и подрядчикам.

— Продажа склада даст деньги один раз, а аренду мы будем платить каждый месяц. Плюс потеряем температурный контур, на котором держатся фармацевтические договоры.

— Есть другой источник?

— Надо проверить отсрочки подрядчиков, дебиторку трех сетей и цену непрофильных активов Павла. Сейчас цифр у меня нет.

— Подготовьте вариант без продажи склада.

— После шести у меня не будет доступа к финансовой модели.

— Используйте только те сведения, которые совет официально предоставит. Я попрошу секретаря сформировать обезличенную выгрузку. Никаких копий из прежнего доступа.

— Когда нужен результат?

— К следующему заседанию по финансированию. Дата пока не назначена.

Он не обещал голосовать за меня или против фонда. Ему требовалась альтернатива, которую можно сравнить с предложением Виктории. Я согласилась именно на это.

— Пришлите письменный запрос через секретаря, — сказала я. — Тогда подготовлю.

— Вы всегда требуете документ?

— Последние три дня показали, что это экономит время.

Роман вызвал лифт снова. На этот раз мы спустились вместе и разошлись у рабочего этажа без дальнейшего разговора.

В своем кабинете сняла с полки две личные книги, забрала запасную обувь и фотографию родителей. Остальное принадлежало компании или относилось к работе. Ноутбук оставался на столе, доступ в нем уже перевели в режим чтения.

Лариса пришла вместе с моим заместителем Антоном. Он работал в компании четыре года, знал перевозчиков и до сегодняшнего утра ни разу не присутствовал на совете директоров. В руках держал новый служебный ноутбук.

— Я не просил об этом, — сказал он.

— Поэтому и сможешь выполнить. Если бы просил, я бы проверила мотивы.

Лариса поставила на стол три кружки и термос.

— Я принесла чай. В столовой уже решили, что у нас смена власти.

— У нас передача полномочий, — сказала я. — Давайте сделаем ее без смены графика.

Мы начали с денег. Я показала платежи, которые нельзя задержать, объяснила лимиты и отметила два счета, требовавших проверки объема. Затем перешли к машинам, складам и претензиям. Антон задавал вопросы по каждому решению, Лариса поправляла фактическое время подачи.

— Почему этот перевозчик в резерве, если дважды опоздал? — спросил Антон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.